

Наезд на богатырскую заставу и бой Подсокольника с Ильей Муромцем

На горах, горах дак было на высокиих,
Не на шоломя было окатистых,
Там стоял-де ноне да тонкой бел шатёр.
Во шатри-то удаленьки добры молоццы:
Во-первых-то, стары казак Илья Муромец,
Во-вторых, Добрынюшка Микитиць млад,
Во-третьих-то, Олёшенька Поповиць-от.
Эх, стояли на заставы они на крепкое,
Стерегли-берегли они красен Киев-град,
Стояли за веру христианскую,
Стояли за церкви всё за Божии,
Как стояли за чесныя монастыри.
К[ак] по утрыцьку было по ранному,
А на заре-то было на ранно(й)утренной
А-й как выходит стары казак из бела шатра —
Он смотрел-де во трубочку подзорную
На все же на четыре кругом стороны.
Он завидял-де: во поли не дым стоит —
Кабы едёт удалой да доброй молодець,
Он прямо-де едёт в красен Киев-град,
А не приворяциват на заставу на крепкую.
Он едёт, молодець, дак потешаецьсе:
Он востро копьё мецёт да по поднебесьё,
Он одной рукой мецёт, другой схватыват;
А впереди его бежит да два серы волка,
Два серых бежит волка, да серы выжлока;
А на правом плечи сидел да млад есён сокол;
На левом плечи сидел да млад бел кречет.
А заходил стары казак во бел шатёр,
Говорыт-то стары казак таковы слова:
«Уж вы ой еси, удалы вы добрыя молоццы!
Уж що же вы спите, да що вы думаите?
Да наехал на нас супостат велик,

Супостат-де велик, да доброй молодець:
Он прямо-де едѣт в красен Киев-град
А не прыво[ра]циват на заставу на крепкую!»
Ото сну-де рибятушка пробужалисе,
Ключавою водою они умывалисе,
Они белым полотенцем да-й утиралисе,
Они Господу Богу помолилисе,
А посылали Олѣшеньку Поповиця.
Как выходит Олѣшенька из бела шатра,
Засвистел он коня да из чиста поля:
А бежит его конь, дак мать-земля дрожит.
Как крутешенько Олѣшенька седлал коня,
Он седлал-де, уздал да коня доброго:
Он накладывал уздиценьку тесмянную,
Он накладывал седѣлышко черкальской,
Он двенацэтъ под[п]руг дак шолку белого,
Ишше белого шолку шамахиньского;
Он тринацату подпругу — через хребетну кось —
А не ради басы, дак ради крепости,
Ишше ради окрепы дак боғатырское,
Ишше ради поездки дак молодецкое —
А не оставил бы конь дак на чистом поле
Ишше черным-то воронам на пограеньѣ,
Ишше серыем волкам на потарзаньи.
Только видели: молодець на коня скоцил,
А не видели поездки дак боғатырское;
Только видели: в поли курева стоит.
А выежжал-то Олѣшенька на чисто полѣ,
Он завидял молочьча-то во чистом поли.
А ревел-то Олѣшенька по-звериному,
Засвистел-то Олѣша по-соловьинному,
Зашипел-то Олѣша по-змеинному —
А кабы едѣт-от молодець, не огляницсе.
Как подумал Олѣшенька Попович-от:
«А кабы едѣт молодець-от — не моя чета,
Не моя едет чета, да не моя верста!»
Повернул он коня да ко белу шатру,
Приежжает Олѣшенька ко белу шатру.
А стречает стары казак Илья Муромець.

Говорит тут Олешенька Поповиць-от:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Кабы едёт боғатырь — дак не моя чета,
Не моя едет чета, да не моя верста!»
Посылали тут Добрынюшку Микитица:
Ах, кабы вежливой Добрынюшка, очесливой —
Он спросил бы о роди и о племени,
Он спросил бы отечесво-молодечесво,
Он спросил, куда едёт да куды путь держит.
А как выходит Добрынюшка из бела шатра,
Засвистел он коня да из циста поля, —
А бежит его конь, дак мать сыра земля дрожит.
А крутешенько Добрынюшка седлал коня,
Он седлал-уздал себе коня доброго:
Он накладывал уздициньку тесмянную;
Он накладывал седёлышко черкальской;
А он вязал-де подпруги шолку белого,
Ишше белого шолку шамахиньского;
Он застегивал пряжецьки серебряны,
Он серебряны пряжецьки позолочены;
Он двенацать подпруг шолку белого,
А тринацату подпругу — через хребетну кость:
«А нам не ради басы — ради крепости,
А ишше ради окрепы да боғатырское,
Ишше ради поездки да молодецкое:
А нам придёцсе-де съехацьсе на поле с неприятелём!»
А как крутешенько Добрынюш[к]а на коня скоцил;
А не видели поездки боғатырское —
Только видели: во поли курева стоит,
Курева-де стоит, дак дым столбом валит.
А выежжал-де Добрынюшка на чисто полё,
Он на то жо на роздольцо на широкоё.
Он завидял молоцца-та во чистом поли;
Заехал он к молоццу спереди-де, с глаз.
А ишше слез-де Добрыня со добра коня,
Он снял-де шляпу дак Земли Греческой
(Он не малу, не велику — дак во сорок пудов!),
Он низко молоццу да поклоняицсэ:
«Уж ты здрастуй, удаленькой доброй молодець!

Уж ты коёго города, коей земли?
Ишше коёго оцца-матери?
А куда же ты едёшь, да куда путь держишь?»
А отвечаёт удалой да доброй молодець —
Не сказал он роду своёго, племени,
Не сказал он отечесва-молодечества —
А он сказал: «Куда еду, да куды путь держу?..
Ишша прямо я еду в красен Киев-град,
А ишша стольнь-от град да во полон возьму,
А ишша князя-та Владимирера живком схвачу,
Я кнегинушку Опраксию за сибя взамуж возьму!»
А надевал-то Добрыня да шляпу Земли Греческой,
Он не малу, не велику — да во сорок пудов,
Он и быстро скоцил на добра коня;
Он прямо поехал ко белу шатру.
Ах, стрецяёт стары казак Илья Муромец.
Говорыт тут Добрынюшка Микитиц млад:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Абы едёт боґатырь — не моя чета,
Не моя едет чета и не моя верста!
А не сказал он роду своёго, племени,
Не сказал он отечесво-молоде[че]сво;
А он сказал: «Куда еду, да куды путь держу?..» —
А он прямо-де едёт да в красен Киев-град,
А он стольне-от град да во полон хочет взять,
А он князя-та Владимирера живком схватить,
А он княгинушку Опраксию за сибя взамуж взять!
А загорело у стары казака ретиво серцо,
Закипела во старбм да кровь горячая,
Росходилисе его да могуци плеця.
Засвистел он коня да из чиста поля —
А бежит его конь, дак мать земля дрожит.
В теменях-то стары казак седлал коня,
Он седлал-уздал себе коня доброго:
Он накладывал уздиценьку тесмянную;
Он накладывал седёлышко черкальскоё;
Он вязал-де подпруги шолку белаго,
Ишша белаго шолку шамахиньского;
Он двенаццать подпруг да всё шелковыя,

Он тринацтату подпругу — через хребетну кость;
Он застегивал пряжецьки серебряны,
И серебряны пряжецьки позолочены —
А не ради басы, а ради крепости —
Не оставил бы конь дак на цистом поли:
«А мне придэтцэ-де съехацьсэ на поле с неприятелём!»
А в теменях-то стары казак на коня скакал.
И не видели поезки боғатырьское —
Только видели: во поли курева стоит,
Курева-де стоит — дак дым столбом валит.
Выежжат стары казак на полё на чистоеё,
Он на то жа на раздольицо на широкоё, —
Он завидял молочьча во чистом поли.
Заревел-то стары казак по-зверинному,
Засвистел-то стары казак по-соловьинному,
А зашипел-то стары казак по-змеинному —
Кабы едёт молодець-от, не огляницсэ.
А говорыт молодець-от таковы слова:
«А уж вы ой еси, мои вы два серы волка,
Два серы мои волки, да серы выжлоки!
Побежите вы-ко тепере во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало:
Как наехал на меня супостат велик,
Супостат-де велик, дак доброй молодець.
А уж ты ой еси, мой да млад есён сокол!
Уж ты ой еси, мой да млады бёл кречат!
Полетите-ко теперь во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало!»
А как не две горы вместо сотолкалосе,
Не две туци вместо да сокаталосе —
А как съежжаюцьсэ стары казак с Подсокольником.
А они билисе палочками буёвыма —
А руковьятоцьки у палоцёк отвернулисе:
Они тем боём друг дружку не ранили.
А съежжаюцьсэ ребятушка по второй након,
Они секлисе сабельками острыми —
И у их остры-ти сабельки ишшербалисе:
А они тем боём друг дружку не ранили.
А съежжаюцьсэ ребятушка по третьей раз,

А кололисе копьеми-де вострыма
(Долгомерныя ратовишша по семь сажон!) —
По насадоцькам копыця свернулисе:
Они тем боём друг дружку не ранили.
А соскоцили ребятушка со добрых коней,
А схватилисе плотным боём, рукопашкою.
А кабы борюцце удалы да добрые молоццы:
А Подсокольницёк крычит — дак мать-земля дрожит;
А стары казак скрычит — дак лесы ломацсэ.
А как по счасьицу было дак Подсокольника,
По злочасьицу было Ильи Муромца:
А к[ак] не правая рука да приокóмбала,
А к[ак] не левая нога его приокользела —
А к[ак] падал стары казак на сыру землю.
Ишше сплыл-то Подсокольницёк на белы груди;
Он не спрашивал не роду и не племени,
Он не спрашивал отечесва-молоде[че]ства;
Он ростегивал латы его кольцюжные,
Он вымал из нагалишша цинжалой нож —
Он хоцёт пороть его белы груди,
Он и хоцёт смотреть дак ретиво серцо.
И ишше тут-то стары казак возмолиццэ:
«Уж ты Спас, Спас Многомилостив,
Пресвята ты Мати Божия Богородица!
Как стоял я за веру хрестианскую,
И стоял я за церкви за Божии,
И стоял я за чесныя манастыри!».
У стары казака силы вдвоё прыбыло.
Он смахнул Подсокольника со белых грудей,
А он сплыл Подсокольнику на белы груди:
А он ростегивал латы его кольцюжные,
Он вымал из нагалишша цинжалой нож —
Он и хоцёт пороть его белы груди,
Он и хоцёт смотреть и ретиво серцо.
А ишша сам старой що-то прироздумалсэ:
«А не спросил я не роду и не племени,
Не спросил я отечесва-молодечества».
А говорыт-то стары казак таковы слова:
«А уж ты ой еси, удалой доброй молодець!

Ешше коёго города, ты коей земли?
И ешше коёго ты отца-матери?
И ешше как, молодець, тибя именём зовут?»
А отвечаёт удаленькой доброй молодець:
«А когда я у тебя был на белых грудях,
А я не спрашивал не роду и не племени,
Я не спрашивал отечества-молодечества —
Уж я прямо порол бы я белы груди,
И смотрел бы я да ретиво серцо!»
А спросил же старой да по второй након.
Отвечаёт удаленькой доброй молодець:
«Я от моря, моря я от синего,
От того же от камешка от Латыря,
А я от той же от бабы да от Салыгорки,
Уж я ездил, удалой да доброй молодець;
Ишша есь я ей сын да Подсокольницёк,
По всему я свету есь наезник!»
А ставаёт стары казак на резвы ноги,
Становит Подсокольника на резвы ноги,
А целуёт в уста его сахарные;
А называет Подсокольника своим сыном,
Называет-то своим сыном любимым.
(Говорыла Подсокольнику матушка родимая:
«Не дошедши до старого — слезывай с коня,
Слезывай-де с коня да низко кланяйсе!»)
А и побраталса стары казак со своим сын[ом].
А поехал стары казак во чисто полё,
Он во тонкой шатёр да бел полотняной.
А и спит-де стары казак он ведь сутоцьки,
А спит-де стары казак он двои сутоцьки.
Ишше ето Подсокольнику за беду стало,
За великую досадушку показалосе:
«Я стары казаку так унижалса же!»
Поехал Подсокольницёк ко белу шатру:
«А старого казака а Ильи Муромца
Ишше прямо его я копьём сколю!»
А и приехал Подсокольницёк ко белу шатру —
Он и ткнул-де стары казака дак во белы груди.
У стары казака было на белых грудях

Ишше чуден крест был Госпóден,
Не мал, не велик — дак полтора пуда:
А скользёнуло копьё Подсокольника...
Ото сну тут старой казак пробужаицьсэ —
А он схватил Подсокольника во белы руки:
Вышибал он выше лесу стоящего,
Ниже облака он ходячего.
Иш[ш]а падал Подсокольницёк на сыру землю —
И розбилсэ Подсокольницёк во крошецьки.
Ишше тут Подсокольницьку славы поют,
А славы-де поют да старинú скажۇт!

(Зап. А. Д. Григорьевым 15 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тяросова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.